

ОБЩИЙ ВЕСТНИК

ТЕВЕТ-ШВАТ 5769

ПЕТРОЗАВОДСК
N 126

ЯНВАРЬ 2009

БУКВЫ ДЕСЯТИ РЕЧЕНИЙ

Бааль Шем Тов объясняет выражение "Слова Б-га" не как метафору, а как некоторую реальность. Слово Б-га, создавшее небеса, реально присутствует в небесах; самые слоги и буквы фразы "Да будет твердь небесная" поддерживают небо, позволяют ему существовать. Это что-то, не произошедшее в прошлом, а происходящее все время; Б-г говорит все время. Когда говорит человек, его слова, как нечто конкретное, исчезают в никуда. Слова Б-га остаются навеки. Мы склонны понимать это метафорически, в том смысле, что Слово Б-га вызвало к существованию все явления. Но продолжает существовать не только то, что проявлено, но и самые буквы и слоги.

Постараемся представить себе, что Речь Б-га - явление не проходящее, а продолжающееся бесконечно, повторяющееся снова и снова. Это можно уподобить - не забывайте, что это лишь иллюстрация! - включению электрического света. В случае переменного тока, которым мы пользуемся в повседневной жизни, электрический ток течет все время, но туда, то обратно. Можно рассматривать Творение мира как такое вот включение электричества. Щелчок выключателя - не завершено действие; он только запускает постоянное и повторяющееся движение энергии, которое остается зависимым от своего источника. Так и Слово Б-га - оно вечно в своем проявлении и постоянно обновляется. Это схема, способная к динамическому взаимодействию. Бааль Шем Тов однажды объяснял, в другом контексте, насколько это верно относительно Дарования Торы на горе Синай. Тогда спустилась весть о Вечном мире, и слова также были вечны; Речь Б-га не смолкла, это мы перестали слушать. Суть стояния у горы Синай не только в том, что было сказано то, что было сказано, но также и в том, что нашим ушам была дарована способность это сказанное услышать. И, заканчивал Бааль Шем Тов, каждый, в любую минуту своей жизни, может удостоиться стоять у горы Синай и слышать Тору. Откровение на горе Синай стало уникальным, однократным явлением не потому, что Б-г умолк, а потому, что мы не даем себе Его услышать.

Поэтому мы читаем: "Если бы буквы Десяти Речений Б-га, которыми был сотворен мир в шесть дней творения, покинули бы мир, не дай Б-г, хотя бы на мгновение, мир снова вернулся бы в ничто, в совершенное небытие, точно так, как это было до шести дней Творения". Здесь снова подчеркивается, что удаление букв - это не только утрата жизненных сил, но и какое-то еще большее лишение. Если Речь Б-га умолкнет, мир обратится в ничто. Буквы Речений не творят явления мира; они есть сама суть этих явлений.

Здесь будет полезно привести один пример - и опять надо напомнить, что это лишь иллюстрация, ни в коем случае не претендующая на какое-либо описание. Когда, при нашем современном взгляде на мир, мы говорим о материи, то мы называем ее твердой и инертной только в очень общем и относительном смысле. Такой предмет, как стол, состоит из непрерывно движущихся частиц, твердость которых весьма сомнительна. Электроны, в свою очередь, можно рассматривать как сконцентрированные волны энергии. Короче, даже в пределах мира физического мы находимся в сетях иллюзий; то, что кажется твердым, не является таковым. Это не вопрос обмана чувств; наши чувства дают нам адекватную проекцию того, какими явления представляются, какими они задуманы. Учитель хочет сказать нам, что материя, которая кажется нам твердой и реальной, получает все свое существование из Слова Б-га.

Значит, духовная сущность присутствует даже в земле или воде. В некотором смысле у камня больше души, чем у человека; так как камень в более полной степени подчиняется "душе камня"; а у человека больше души, чем у камня, в смысле большей независимости человека. "Душа камня" - это Б-жественная формообразующая сила, дающая реальность камню; если эта Б-жественная сила покинет камень, он просто перестанет существовать. Когда же душа человека покидает человеческое тело, оно еще некоторое время продолжает существовать. Удалить душу из камня - все равно, что выключить электричество: света нет, все гаснет.

Здесь мы встречаемся с самой главной проблемой человека - с тем, что душа и тело не едины. Если бы душа настолько доминировала в человеке, что жизнь его была бы лишь выражением души, то с исчезновением души человек просто исчезал бы. Это, между прочим, связано с проблемой греха и раскаяния. Если человек совершает такой грех, что положенное ему наказание - *карет*^{*}, то его душа должна быть уничтожена, а он сам должен прекратить существовать. Вся возможность раскаяния состоит в том, что человек продолжает каким-то образом существовать и может постараться выправить положение. Иными словами, человеку свойственна в некотором роде двойная жизнь: жизнь тела и жизнь души. И это создает проблемы в духовной сфере, так как у тела есть его соб-

ственные желания; оно не просто выражает желания души. Пример: я решаю сунуть руку в огонь и чувствую, как протестует мое тело против этого решения.

Таков конфликт в отношениях между душой и телом у человека. У инертной материи нет такой души, нет и конфликта желаний. Душа предмета - это его физическая суть. Предмет, известный нам как материальный камень, есть материальная проекция букв Б-жественной речи, дающей существование этому камню. Как пространственные измерения, характерные для материи, суть проекция движения и расположения молекул, так и все, что мы знаем как мир, - это результат Б-жественного речения, которое проявляется через камень, цветок или еще что-нибудь.

Мы читаем: "хотя слово "камень" и не упоминается в Десяти Речениях, записанных в Торе, тем не менее жизненная сила вливается в камень с помощью сочетаний и смен букв, подвергающихся перестановкам при "прохождении 231 врат" в прямом и обратном порядке". Здесь предпринята попытка объяснить отношения между Б-жественно сказанным и бесконечным множеством сотворенных деталей. Когда, например, написано: "И сказал Б-г: да будет твердь небесная", то слова, которые мы читаем, суть человеческое переложение того, что сказал Б-г. Непостижимо Б-жественное высказывание переведено дважды: первый раз в твердь небесную, со всеми ее деталями, и второй раз - в то, что написано в Торе.

К примеру, мы можем видеть, что звуковые волны воспринимаются магнитофоном и фонографом.

Первый преобразует их в электромагнитные сигналы, второй - в бороздки на пластмассе. Это два разных перевода звуковых волн; если проиграть звук, в обоих случаях снова появится одно и то же исходное явление. Однако сами звуковые волны - не электромагнитный сигнал и не бороздки на пластинке. Когда я хочу показать кому-то звук, я должен воспользоваться одним из способов преобразования или перевода. В этом смысле буквы Б-жественной речи, проявленные в тверди небесной, - лишь другая версия, другой перевод того же, что написано в Торе. Однако, осознывая внутреннюю тождественность, надо помнить, что и то и другое преломлено через человеческие ограниченные возможности восприятия. Есть одаренные люди, которые, взяв нотный лист, могут не только пропеть мелодию, но и читать ноты с наслаждением, как книгу, иногда даже с большим наслаждением, чем если бы они слушали концертное исполнение. Это более или менее подобно тому, что можно сказать о великих духах, которые, читая Тору, слышат Слова Б-га в ней, и это совсем не то, что слышит человек, читающий логически связанные предложения. Можно сказать, что это верно в сфере любых отношений с окружающим миром: восприятие зависит от возможности человека. Есть знаменитая история о Бааль на-Тани, который нездалого до смерти позвал к себе внука (пусть известного под именем Цемах-Цедек) и спросил: "Что ты видишь?" Мальчик ответил описанием обычной домашней обстановки. "А я вижу только слово Б-га", - ответил старый ребе. Это, значит, уровень, на котором человек перестает видеть в обычном смысле. Он воспринимает само явление, а не его проекции.

Буквы и состоящие из них слова Торы - это перевод в своеобразную форму общения, которую мы называем письмом. С другой стороны, каждая буква есть Б-жественная сила, и мы не в состоянии воспринять их, каковы они есть. Более того, существуют разные комбинации букв. Одни и те же буквы сочетаются не только в виде слов, но и иначе, концентрическими кругами, от одного уровня смысла к более высоким уровням, от сущности к сущности; и внутри этих кругов одно и то же явление открывается разными образами.

Разные комбинации букв предшествуют, таким образом, появлению слова "камень" (алеф-бет-нун). Мало сказать, что эти буквы присутствуют в Десяти Речениях; комбинация этих трех букв - не случайное совпадение, это очень определенное сочетание трех букв, отстоящихся к земле. В слове "камень" нет "букв" слова "небо", а только "земные" буквы, которые требуются ему для его разнообразных превращений. Примеры из современной химии могут помочь прояснить это: замена одной буквы в химической формуле приводит к очень важным изменениям. В современной органической химии даже направление, налево или направо, может быть очень важным, - так же как и в иврите слово из трех букв, в котором одинаковы первая и третья буква, может иметь два разных значения - в зависимости от того, в каком "направлении" это слово прочтешь.

Поэтому всякий сотворенный предмет имеет свою форму и свою сущность, связанную с буквами, образовавшими его; и эти буквы - определенное выражение Десяти Речений. Когда Десять Речений выражают себя в другой области, на другом уровне, они не принимают форму камня. В высших мирах эти Десять Речений

имеют другое значение; лишь видоизменяясь, спускаясь в наш мир, они принимают то значение, которое они имеют для нас. Может быть, здесь уместно отметить, что такое деление имеет смысл и даже необходимо почти в любой сфере. В путанице разнообразных составных явлений мира индивидуальные явления и предметы определяются "номером" - размером, уровнем сложности состава вещества, и т.д. Такая же проблема возникает в интегральном исчислении. Если взять формулу и возвести ее в определенную степень, четвертую, пятую и так далее, она претерпевает определенные превращения, которые придают ей совершенно новый смысл. А это лишь отблеск той проблемы, с которой мы имеем дело здесь, ведь тут уровни возводятся не в четвертую, не в пятую и даже не в сотую степень, а в миллионную, где уровни расширяются и растут во всех направлениях. Таким образом фундаментальная формула Десяти Речений разбивается во множество миров, в которых даются различные инструкции; Б-жественные силы проявляются по-разному, так что не только куску камня, но и каждой частице вещества в любом уголке Вселенной ее специфическая жизненная сила придает особое существование. И эта Б-жественная Речь, эта специфическая комбинация букв, поддерживающая существование именно этой частицы, единственна и уникальна, и соседняя частица уже отличается от нее - другой сущностью, другой историей, другим именем.

У всякой вещи в мире есть собственное имя, даже у самой маленькой и неприметной. Поэтому, между прочим, и говорят, что, когда родители дают ребенку имя и думают, что точно знают, почему они его выбирают, на самом деле они не знают этого. А если они ошибутся, дадут неправильное имя, позже ребенок изменит его на правильное. Эта попытка определить, кто есть человек, задает саму уникальность личности. Личности свойственно собственное имя, которое можно уподобить специфической формуле. Точно так же и каждая звезда на небосводе имеет свое имя, как сказано (Тегиллим [Псалмы], 147:4): "Исчисляет количество звезд; всех их называет именами их". С другой стороны, есть явления, которые, подобно точкам на карте, полностью определяют координаты - пересечением широты и долготы. Если речь идет о трехмерном пространстве, значения трех координат достаточны, чтобы полно описать положение точки. А теперь давайте представим себе нечто с тысячами или даже миллионами измерений, каждое из которых требует своего численного значения или имени для того, чтобы выразить формулу существования этого явления. Эта формула, это имя есть жизненная сила этого явления. Это имя сообщает существование явлению, объясняет суть души явления, даже если это камень. Это не значит, конечно, что камень поймет, если я обращусь к нему по имени; это значит, что все сотворенное Б-жественным Словом имеет, в определенном смысле, свою душу.

Интересно, как об этом по-своему, без каббалистических интонаций, говорит Магарал, великий мудрец. По его словам, совершение чуда основывается на том, что человек видит Б-жественное слово яснее, чем материальное вещество мира, а Б-жественное слово в определенной степени поддается воздействию того, кто понимает это слово. То есть тот, кто понимает, что никакого стола нет, превозмощ стол. Для того же, кто этого не видит, стол остается столом. Возникает вопрос: где нахожусь я по отношению к явлениям, к объектам этого мира? Взять, к примеру, чудо, которое может совершить каждый: ходить по водам озера. Да, мы можем ходить по водам, но когда озеро замерзло. Вопрос, стало быть, в том, как я соотношусь с меняющимися миром явлений, насколько я могу придать своим отношениям с миром стабильную форму. С этой точки зрения совершить чудо - значит чуть-чуть сдвинуть явления мира.

Кстати, того же самого касается и тема покаяния. Раскаиваясь, я достигаю определенного уровня, благодаря чему меняю что-то в мире - а вся важность покаяния состоит в том, что оно на самом деле меняет какую-то реальность в мире. Только на этом уровне о человеке можно сказать, что он искуплен. Мир и предметы в нем кажутся фиксированными потому, что и мы подвешены в тех же измерениях. Человек, способный влиять на предметы на другом уровне - на уровне микрочастиц, например, или в области ядерной физики, - не ощущает разницы между твердым веществом и другими видами материи. Для электрона все равно, движется он сквозь газ или сквозь твердое вещество. Можно добавить, что и в повседневной жизни мы живем на множестве уровней одновременно, и когда я нахожусь на некотором уровне, то что-то, что может принять форму лишь на определенном уровне, может им и ограничиваться. Поэтому различие между духовным и физическим отражает лишь характер отношений, которые возникают у меня с явлениями.

Адин Штейнзальц

* *Карет* - один из видов наказания от руки Небес, "отсечение от народа своего". Оно состоит в сокращении жизни и пресечении рода грешника.

БЕСЕДА 7. Поэтесса Рахель

Поэтесса Рахель родилась 20 сентября 1890 года в Саратове в традиционной еврейской семье¹. Родители Рахели были людьми во многих отношениях примечательными, и я хотела бы рассказать о них несколько подробнее.

Ее отец, Исер Лейб Блювштейн (1833, Полтава - 1923, Тель-Авив?), был единственным сыном своих родителей и с малых лет отличался незаурядными способностями. Однако в 8 лет был похищен и сдан в кантонисты - так при Николае I называли, в частности, еврейских детей, воспитываемых для будущей 25-летней рекрутской службы вне дома с целью их предварительной русификации. Исера Лейба отвезли в село близ Вятки и отдали семье местных православных крестьян. Его отец Ишак, богатый торговец, находился в то время по делам за границей. По возвращении известие об исчезновении сына так подействовало на него, что с ним случился удар, и он умер. Вскоре после того жена его, Роза, наложилась на себя ружью. Имущество семьи отписали государству.

Но обо всех этих трагических обстоятельствах Исере Лейбу сделалось известно лишь по окончании 25-летней службы в армии. Он прожил в селе до 18 лет, занимаясь крестьянским трудом, и стал весьма силен физически. Но удивительно не это, удивительно то, что всю жизнь - и вне еврейского дома - он соблюдал те заповеди иудаизма, о которых успел узнать до 8 лет. Исера Лейб был мобилизован в пехоту, но за отличие переведен в разведку, где и служил в годы Крымской войны 1854-1855 и снова отличился под Севастополем. Он дослужился до чина прапорщика и командовал ротой, а в 1866 году вышел в отставку с правом жить вне "черты оседлости", распространяющимся на всех его потомков. Интересно, что Исера Лейб был знаком с другим кантонистом, сохранившим при всех испытаниях верность еврейской традиции, - с отцом Иосифа Трумпельдора Вольфом.

Мать поэтессы Рахели, София, была второй женой Исера Лейба, богатого торговца золотом и бриллиантами, отца четырех детей. София была дочерью знаменитого рижского, а потом Киевского раввина Манделштама и сестрой не менее знаменитого офтальмолога Макса Манделштама. Будучи моложе мужа на двадцать лет, она родила ему еще восьмерых и воспитывала, таким образом, 12 детей. София владела несколькими языками, и особое внимание уделяла образованию детей, которых приятно было после школы посылать на учебу за границу.

Поэтесса Рахель - в семье ее звали Рая - окончила в Полтаве еврейскую школу с преподаванием на русском языке, а ее старшая сестра Лиза училась в русской гимназии в одном классе с дочерью В.В. Короленко. О духовной атмосфере дома, где росла Рахель, о ее ранней полтавской юности можно судить по воспоминаниям старшей сестры Шошаны (Розы) Блювштейн, многократно начавшей ею в черновиках, но так и не оконченных не и изданных. Зачтено несколько выдержек оттуда (*перевод с иврита*):

"Десять лет назад в небольшом красивом украинском городке мы были молоды. <...> Чем же жила наша душа? Книгами. Полными пригоршнями черпали мы из щедрой русской литературы. Каждая книга была Божьим даром. Образы писателей и их героев вошли в круг наших друзей. Они сопровождали нас повседневно. Пушкин, Лермонтов, Надсон. Герония Тургенева: скромница Лиза, Елена... И над всеми ними - великая русская литература - Толстой. Мы не только романы его читали, но и статьи, они манили нас, будили наши новые мысли... Беллетристика, публицистика, но превыше всего - поэзия. Мы пропадали на дворе ее Царства. Она всегда была у нас на устах: читаем по книге, заучиваем наизусть... Мы и литературу других народов² узнавали на языке государства. "О, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!" - пел Тургенева в одном из своих "Стихотворений в прозе", так нами любимых. Мы декламировали эти слова - гени писателя и поэта своему языку (не без легких угрызений совести, ведь мы были еврейки - и знали это). Это стихотворение было "слишком русским", но русский язык был для нас выходом на общечеловеческий простор, к общечеловеческим ценностям; на обдуваемое ветром поле, где юная мысль в париле, упоенная медом слов."

Тем не менее, дом, в котором выросла поэтесса Рахель, был традиционным еврейским домом, где соблюдала субботу, отмечала все праздники и в той или иной степени владела ивритом. (Мать требовала от девочек молиться исключительно на иврите, даже если далеко не всё в молитве было им понятно.) Под влиянием старших братьев, в первую очередь Якова, Рахель и Шошана начали посещать в Полтаве кружки сионистских настроенной молодежи. Однако эти увлечения длились недолго, так как власти поспешили прекратить подобные сходки.

Среднее образование Рахель и Шошана заканчивали в Киеве, откуда по получению аттестатов направлялись в Одессу. Они намеревались продолжить учебу в Италии, куда звал их учившийся в университете Риме Яков. Рахель мечтала всерьез заняться рисованием, а Шошана - литературой и философией. В те дни, в начале 1909 года, из Одессы в Палестину направлялся пароход, и девушки захотели прежде съездить ненадолго на историческую родину. Но, приехав сюда, они приняли решение остаться.

Далее судьба Рахели более-менее известна многим. Она присоединилась к сельскохозяйственной опытной ферме под Хайфой, затем переехала в *мошаву* (крестьянское поселение) Реховот, а оттуда - в кибуц Дганиа. Мечтой и буднями стала работа на земле, рутинный труд. Не случайно первое ивритское стихотворение Рахель посвящено учителю, земледельцу Аарону Давиду Гордону (1856, Житомирская область - 1922, Дганиа-алеф). Оно увидело свет в 1920 году. За неизменным лучшим, прочту свой полуперевод - полуподстрочник

Настроение

День постепенно темнел.

Угасал день.

Тускло позолотила небо

И сойки гор тень.

Вкруг меня почернела ширь полей,

Простор и тишь.

Далеко ведёт моя тропа,

Одинока, тиха.

Но не ропщу на свой удел,

Хозяйку-судьбу,

Весело выйду навстречу всему,

Всё благодарно приму!

Эта интонация приятна, примирения с тем, что готовит судьба, кажется неслучайной. Ведь еще до отъезда из Полтавы девушки похоронили мать, которая умерла от туберкулеза легких. Первые признаки чахотки появились у Рахели, когда ей было всего 14 лет. Тогда старшая сестра Лиза возила ее в Крым, "на кумысы", и Рахель поправилась, однако угроза болезни осталась.

Но вернемся в Дганию. Рахель описала свою жизнь на берегу озера Киннерет не только в стихах, давно уже ставших любимыми в Израиле песнями. Я хочу процитировать несколько выдержек из ее написанного по-русски очерка:

"У озера

(Из воспоминаний киннеретянки)

Мы вставали до зари. Так рано, что казалось: мгновением раньше и застали бы ночь врасплох, подглядывали бы, подслушали бы ночные тайны. Первый взгляд - озеро. Оно спало в этот час и чуть серело в рамке низких, тоже сонных гор.

Один берег - наш, где каждый камешек знаком. Справа, ближе к Иордану, он подымается невысоким холмом, и сколько алого маку, пестрых анемонов, желтых одуванчиков празднуют на его склонах свою единственную весну! Слева, где земля ровнее, растет маленькая пальма, под которой, бывало, мечтались часами; одинокая, маленькая пальма, неведомо как поднявшая здесь свою вечную голову. Там, дальше в Тивериале, заросли олеандров, могучая, нарядная растительность, подчеркивающая щедрость юга. Другой берег - чужой, далекий. Вся ширь Генисаретского озера легла между нами и им. Вязки горы Харана, серые поутру, сиреневые днем, багряные на закате. Влекут к себе, как все *потустороннее*."

Этот пейзаж - замечательный опыт воплощения в русском слове родной экзотики заново обретенного отечества. А вот другой фрагмент:

"Как проходил день в "Киннерете"? Заря занималась, когда мы брались за работу. Нас было четырнадцать. Мозолистые руки, босые, зарогоренные ноги, загорелые девичьи лица, горячие сердца. Воздух кругом звенел от наших песен, говора и смеха. Заступы мелькали в воздухе без устали. На минуту останавливались, утешь потный лоб краем "кефин" и бросишь любовный взгляд на озеро. Какое оно было благодатное Голубое, голубое, невыразимо голубое, веющее миром, врачующее душу. <...> В полдень мы возвращались на ферму, и озеро было с нами; голубое око заглядывало в окна столовой, голубое око родимой земли.

Чем скучнее была трапеза, тем веселее звучали молодые голоса. Благодарения мы боялись превыше всего. Мы жаждали жертвы, мученичества, верги, которыми мы гремели бы во славу ее - родины - святого имени.

Помню, сажали эвкалипты на болотистом участке, в том месте, где Иордан прощется с Киннеретом и мчится на юг, пенясь по камням и заливая низкие берега. Опасно в продолжение целого дня дышать мизаманом, и не одна из нас дрожала потом в лихорадке на своем убогом ложе. Но ни одну из нас ни на минуту не оставило чувство признательности судьбе и работало почти вдохновенно."

Это вдохновение работы, эта жертвенность были неотъемлемой частью "духовного сионизма", о котором писал Ахад ха-Ам. Как жаль, что они стали историей, у которой все меньше общего с настоящим.

Ради успеха сионистского подвижничества Рахель по настоянию товарищей поехала в 1913 году во Францию, учиться на агронома. Французский она хорошо знала с детства, и препятствий в учебе он представлял не мог. Она окончила курс в Тулузе и летом 1914 года поехала в Россию повидать родных. Там и застала ее Первая мировая война.

Как мы знаем, эта война создала проблему еврейских беженцев, поскольку евреев в спешном порядке принудительно выселяли из прифронтовой полосы. Этот путь на восток ничего общего не имел с эвакуацией населения в Великую Отечественную. Многие умерли в пути, многие заболели. Люди терли друг друга, стояла проблема обеспечить им ночлег и пищу. Так были созданы комитеты помощи еврейским беженцам, а в них то и работала Рахель в годы войны, по большей части с детьми-сиротами. Вот как она оценивала эту свою деятельность.

"В сущности, раньше, не считая общественную подкладку палестинской сельской работы, вся моя жизнь сводилась к сумме эстетических восприятий и узко личным переживаниям. Теперь я полезный член общества, а это осмысливает многое."

Она работала сначала в Бердинске, затем в Вознесенске Херсонской области, где ее снова постигла чахотка.

С окончанием войны Рахель переехала в Одессу - город, где, как мы помним, находились в ту пору многие ивритские литераторы, сионисты, общественные деятели. Там она познакомилась с Яковом Фихманом, которого переводила на русский (его стихотворение "Сидон" в ее переводе читала в одной из прошлых передач). Я прекрасно помню тот весенний день, когда неожиданно в мой дом на берегу моря "ворвалась" светловолосая, голубоглазая девушка. Веселая словоохотливая хотушка <...> мы в миг подружилась, словно были знакомы много лет.

Как и Фихман, Рахель вернулась в Палестину на судне "Руслан" в декабре 1919 года. Поначало она вошла в кибуц Дганиа и приступила к работе агронома, затем воспитательницы, но скоро товарищи обратили внимание на приступы кашля и потребовали врачебного освидетельствования. Приговор их был неумолим: ту-

беркулезной болью не место в нашем здоровом коллективе. Рахель должна покинуть кибуц. Далее началось мытарство больной Рахели. Несколько лет она жила в Иерусалиме, то снимала комнату, то гостила у друзей, а чаще - занимала их временно пустующее жилище. На улице Невим в Иерусалиме даже нет мемориальной доски с ее именем. Памятью осталась стихотворение "Трушевое дерево", которое я в свое время перевела:

Не иначе - проделки весны... Человек пробудился от сна

и видит: вот у его окна

первой листвою оделась груша.

И в миг: тоска, что горою давила душу,

раскрошилась - и ее больше нет.

Да пойми ж наконец: не пристало упрямо страдать

об одном увядшем цветке,

что дышаньем сгубила жестокая осень,

коль весна утаеит и с рассветом к окшуху поднесит,

улыбався, огромный букет.

Она зарабатывала на жизнь частными уроками, временным преподаванием, но жила скудно. А болезнь все более развивалась. Ее не хотели допускать к работе с детьми. Единственной возможностью было переехать в Тель-Авив, где к тому времени - а речь идет о 1925 году - уже жила семья брата Якова и отец с мачехой, женщиной деспотичной и в детях своего мужа враждебной. Богатый Исера Лейб жертвовал огромные деньги на религиозные организации и прочие благотворительные цели, но пособие, которое он перечислял своей больной дочери, было мизерным.

Теперь мне хотелось бы коснуться несколько шекотливой темы. Рахель всегда нравилась мужчинам, а ей нравилось покрывать и разбивать сердца. Не случайно ее считали *femme fatale*, т.е. роковой женщиной. Детей она иметь не могла, замуч так ни разу и не вышла. Боль женщины, обделенной детьми, звучит в ее стихотворении "Бездетная", где она ставит себя в один ряд с библейской праматерью Рахелью и с библейской Ханой, матерью пророка Шмуэля, словно черпая надежду в судьбах этих героинь Танаха, которые долгое время мучились бесплодием. Я прочту это стихотворение в переводе известной израильской писательницы для детей Мирьям Ялан-Штекелис, тоже российской еврейки:

Бездетная

Как бы хотелось мне сына иметь!

Был бы кудравый мой, умный мальш.

За руку шел бы тихонько со мной

На сад поглядеть.

Мальчик

Мой.

Звала б его Ури, Ури родной.

Звук этот ясен, и чист, и высок -

Луч золотой,

Мой смуглый сынок,

Ури ты

Мой.

Еще буду роптать, как роптала Рахель, наша мать.

Еще буду молиться, как Хана молилась в Шило.

Еще буду я ждать

Его.

В Тель-Авиве у Рахели были друзья среди лидеров ишува: Залман Шазар, Берл Кацнельсон, Моше Бейлинсон. Все они в то или иное время любили ее и были ее любовниками, но женились на других девушках или предпочли остаться со своими женами. Свидетельством тому стихотворение Рахели "Его жена", переведенное Владимиром Лазарисом. Я прочту из него две строфы:

Она его по имени зовет,

Голос - привычный выдох,

А я на свой не положусь,

Чтоб не выдал.

На пальце у нее горит кольцо

Золотое, спящее глаз,

А железные цепи мои прочней

Во сто раз!

Это стихотворение 1926 года никак не выдает, что поэтесса, его написавшая, - несчастная больная, дни которой сочтены. Об этом ее другие стихи, например, такое (*в переводе Якова Хригиченко*):

Ты ли это, конец? Неба ясен простор,

Дней грядущих мершат туманы вдали.

Травы зеленые, осени дни не пришли

До сих пор.

Я приму приговор, в сердце ропота нет.

Улыбавшись цветы на пути у меня.

Пламенели заветы, был чистым рассвет

Уходящего дня.

А друзья старались как-то помочь: печатали ее стихи в газете "Давар" и выплывали гонорар, подбрасывали переводы для работы. Моше Бейлинсон нашел для нее отдельную комнату у своих знакомых, в доме на ул. Бограшова, 5, который не сохранился. В этой комнате, в кресле, обращенном к морю, провела Рахель свои последние одинокие годы. Ее мало кто навещал, кроме племянницы Сары Мильштейн, в то время артистки театра "Шатер". Она сообщила ее последние новости, приносила еду и книжки. Сара и детей своего назвала в память о Рахели: сына - Ури, дочку - Рахель.

Поэтесса Рахель умерла в апреле 1931 года в больнице, а похоронили ее на берегу вослегого юга Киннерета.

Поэзия Рахели уместилась в три небольших сборника: "Обсенок" (1927, название, кстати, замостованное у Бялика), "С той стороны" (1930), и посмертно вышедший "Нево" (1931). Как мы помним, с горы Нево Моисей смотрел на Землю Обетованную, в которую ему не суждено было войти.

(Продолжение. Начало в №№ 120-125)

¹ Главный источник сведений о ее биографии - многочисленные публикации упомянутого племянника Рахели, военного историка Ури Мильштейна.

² Ср. в письме Рахели другу Ноаху из Цфата в 1925 г. "Одного из них я читаю снова и снова... Это сборник стихов Эмilia Верхарна. Знаком ли он тебе, многое из него с успехом переведено на русский". Мильштейн, 1985. С. 79.

Роман Томаса Манна "Былое Иакова"

Мы на пороге романа Томаса Манна "Былое Иакова". А начало этого былого Иакова, конечно, связано с Авраамом. Я немного уже прикоснулся к его, Аврааму, беспокоеству, поиску Б-га в прошлых заметках "На подступах к роману Томаса Манна Иосиф и его братья". Теперь надо продолжить разговор о беспокойном мире Авраама, хотя для этого придется с опережением внедриться ненадолго во второй роман тетралогии Томаса Манна "Юный Иосиф".

Вот какие слова мы встречаем в главе "Как Авраам открыл Б-га":

"... халдеянин был просто-напросто человеком, который открыл Б-га, после чего Тот на радостях пошел себе пальцы и воскликнул: "До сих пор никто из людей не называл меня Господом и Всевышним, а теперь меня так зовут!"

Это у Томаса Манна рассуждает любимым герой Иосиф бен Иаков. И этот умный юноша понимает, что путь Авраама к Б-гу был трудным и даже мучительным. Вот как Иосиф представляет, что происходило в душе Авраама:

"Я, Аврам, а во мне человек, вправе служить исключительно Всевышнему..." Началось с того, что Аврам подумал, что служить и поклоняться нужно одной земле, ибо она приносит плоды и поддерживает жизнь. Но тут он заметил, что она нуждается в дожде с неба. Тогда он взглянул на небо, увидел солнце во всем великолепии, во всей мощи его благодати и проклятия, и решил было уже служить ему. Тут, однако, оно закатилось, и он убедился, что, значит, оно не может быть высшим в мире. Тогда он обратил свой взор к луне и звездам... когда возшла утренняя звезда, пастух и стадо исчезли, и Авраам заключил: "Нет, и эти боги тоже недостойны меня... Хотя они и высоки, но не будь над ними владыки, которыми ими управляет, как могли бы одни из них восходить, а другие заходить? Мне, человеку, не пристало служить им, а не тому, кто ими повелевает".

Так шаг за шагом открывал Б-га Авраам. А Иосиф задумывается у Томаса Манна над тем, каким был его предок Авраам:

"В самом деле, был ли Аврам высокого роста и стариковски красив, как Елизер, или же он был маленький, худой и согбенный?..." Но ведь как трудно, как напряженно и даже мучительно шли поиски Б-га. Может быть, поэтому у Томаса Манна появляется такое предположение:

"Может быть, он (Авраам) был маленький, несчастный, мрачный и весь дергался от снавшего его беспокоества..."

Оставим роман "Юный Иосиф" и вернемся к началу первого романа тетралогии "Былое Иакова", к главе "Отец", где мы читаем подробный портрет Иакова:

"Иаков - или Иаков бен Ицхак, как он подписывался, - казался человеком величественного, чуть ли не сверхъестественного роста, когда стоял между колодезем и деревом наставленья, ближе к дереву, испещрившему его одежды тенями своих листьев. Еще большую внушительность - то ли сознательно, то ли безотчетно - приобретал он благодаря своей позе: он опирался на длинный посох, обхватив его пальцами очень высоко, отчего просторный рукав его крупнобортовой, в узкую бледную полоску, верхней одежды... сполз с поднятой выше головы, уже стариковской руки, украшенной на запястье медным браслетом. Предпочтенному близнецу Исаву было тогда шестьдесят семь лет. Его борода, негустая, но длинная и широкая, сливаясь с волосами головы у висков, торчала на щеках тонкими прядями и падала на грудь во всю ее ширину, нестриженная, незавята, никак не причесанная и не прижатая, она серебрилась на лунном свете. Узкие губы были видны в ней. Глубокие морщины уходили в борозду от крыльев тонкого носа. Глаза... с дряблыми, в прожилках, нижними веками, вообще-то уже ослабевшие от старости и зоркие только душевной зоркостью, озабоченно следили за мальчиком у колодезя".

Таким вот немаленьким портретом Иакова бен Ицхак нарисовал Томас Манн, а я его еще подсмотрел.

А мальчик у колодезя - это же Иосиф. Отца же беспокоеит, что Иосиф полубнаженный сидит под луной и словно молится ей. Мы же с вами помним, как бежал Иаков от Лавана, а Рахель украла идолов Лавана. Можно подумать, что Рахель захотела просто досадить Лавану. Точнее будет, если мы предположим, что у язычника Лавана и дочь полужычица. Вот и чуткого и мудрого

Иакова тревожит в романе Томаса Манна: как бы любимый сын не стал на тропу язычников...

Все мы помним, как любил своего младшего сына Иосифа Иаков бен Ицхак, - как любил сына его незабвенной Рахели. И по всему поэтому Томас Манн создает фантазию о том, как Иаков не смог быть Авраамом... Вот как об этом рассказывает сам Иаков своему Иосифу о привидившемся ему несостоявшемуся жертвоприношении.

"... И я услышал голос Его и сказал Ему: "Вот я!" И мое сердце остановилось, мое дыхание замерло. И оседлал я осла рано утром и взял тебя с собой. Ибо ты был Ицхак, поздний мой первенец, и Господь учинил нам смех, когда объявил о тебе, и ты был для меня всем на свете, и все будущее было в тебе! И накопил я дров для всесожжения, и взвалил их на осла, и посадил сверху дитя, и вместе с работниками шел три дня из Безрививы к Едому и к земле Муцри и к горе этой земли - Хореву. И когда издала увидела я гору Господню и вершину гор, я оставил осла с отроками, чтобы они нас ожидали, и возложил на тебя дрова для всесожжения и взял в руки огонь и нож, и дальше мы шли одни. И когда ты заговорил со мной: "Отец мой?" - я не сумел сказать тебе: "Вот я", - потому что горло мое неожиданно застало. И когда ты сказал своим голосом: "Вот огонь и дрова; где же овца для всесожжения?" - я не сумел ответить тебе, как должен был, что Господь усмотрит тебе овцу, и мне сделалось так худо и так больно, что со слезами я чуть не изверг из себя душу, и я опять застонал, и тогда ты стал искося глядеть на меня своими глазами. И когда мы пришли на место, я построил из камней жертвенник и разложил на нем дрова, и связал дитя веревкой и положил его поверх дров. И взял нож и закрыл тебе левую рукой оба глаза. И когда я приставил нож и лезвие ножа к твоему горлу - вот тогда я послушался Господа, и рука моя опустилась, и нож выскользнул, и я пал на лицо свое и грыз зубами землю и траву земли, и колотил их ногами и кулаками, и крича: "Заколи, заколи его Ты... ибо он для меня все на свете, и я не Авраам, и душа моя отказывается повиноваться Тебе!" И когда я кричал и колотил землю, гром прокатился по небу от этого места и укатился вдаль. И был у меня сын, и не было больше Господа, ибо я не нашел в себе силы выполнить Его волю, да, да, не нашел, - простонал он, качая лбом, по-прежнему прижатом к руке, в которой был посох".

Дальше Иаков возвращается к этим своим переживаниям забываемым:

"Разве меня испытывал Б-г? Нет, Он испытывал Авраама, и тот выдержал испытание. Меня же Авраамовым испытанием испытывал я сам, и душа моя не выдержала его, ибо любовь моя была сильнее, чем моя вера, и я не нашел в себе силы совершить это, - простонал он снова и снова склонил к посоху лоб..."

Одну из глав "Былого Иакова" Томас Манн назвал "Двуголосная песнь". Здесь как бы по очереди солируют Иосиф и Иаков, и все это сливается в диалог. Да, в древности пастухи ночами у костров, когда стерегли стада, - тогда они рассказывали-пересказывали из Писания, и они, эти предания жили и устно. Кто-то за-

канчивал, а другой говорил: "Знаю доподлинно", - и тоже брал слово.

Вот у Томаса Манна говорит Иосиф:

" - Ах, папочка, дорогой господин мой! - сказал он, оборачиваясь со счастливой улыбкой и обнимая одной рукой отца, к его восхищенью. - Как чудно, что Б-г любит нас и благоволит к нам и что он допускает дым наших жертв до своих ноздрей!"

Иосиф с радостью говорит, что они из колена жителей шатров, что-то говорит о Ханке. Иаков отзывается. Он сказал:

" - Да, я знаю о Ханке, из первого колена людского, сыне Иаред, а Иаред был сыном Магалалеила, а тот - сыном Каинана, а тот - сыном Еноса, а Енос был сыном Сифа, а тот сыном Адама. Вот родословие Енока до самого начала. Внуком же его сына был Ной, второй первочеловек, а Ной родил Сим, чьи дети черны, но милосивы, а от Симы в четвертом колене родился Евер, и поэтому Сим - отец всей детей Евера и всех евреев..."

Это было известно, ничего нового он не сообщил. Каждый в роду и в семье с детства знал назубок родословную предков, и старик просто воспользовался случаем развлечься ее повторением и подтверждением. Иосиф понял, что разговор их собьется на "прекраснословие", то есть превратится в такую беседу, которая служила бы не для полезного обмена мнениями о тех или иных практических или религиозных делах, а только для перечисленья известных обоим истин, только для напоминанья, подтвержденья и назиданья, и представляет собой разговорную двуголосицу, подобную той переключке, какую ночами заводили у полевых костров...

- Знаю доподлинно - сказал Иаков и взял опять слово. - То была земля, которую Господь пожелал ему указать. Ибо другом Б-га был Авраам, и открыл он духом своим воистину величайшего владыку... И пришел в Дамаск, и родил там со служанкой Елизера. И пошел дальше по этой земле со своими людьми, что принадлежали Б-гу, и в согласии с духом своим заново освящал святини людей той земли, и жертвенники, и каменные круги и наставлял народ под деревьями, и учил его, что придет благословенное время, и прибывали к Аврааму окрестные жители...

- Я это знаю так же, как ты, - пропел Иосиф, - и двинулся отец наш из долины к горе и пришел в славное место, что назвал Иаков, и поставил между Бэйт Эдем и прибежищем Гаем жертвенник Всевышнему..."

Перечитываю дальше "Былое Иакова". Томас Манн не свойственно вести повествование строго и линейно хронологически. Писатель как бы подчиняется умной голове юного Иосифа, его сведущей и богатой памяти о жизни и нравах, страданиях и подвигах его предков. Даже примитивный и дикий Исав очень хорошо не только помнил, но прямо-таки впитал в себя историю Каина и Авеля. Томас Манн замечает: "... красивый, волосатый Исав плакал и выказал полное нежелание мстить и преследовать. Он совсем не хотел еще и убить авельского своего брата..."

Мне не хочется долго задерживаться на Исаве. Лучше перейду я к главе "Вознесение главы" - самому главному событию молодости Иакова бен Ицхака. Мы помним, мы знаем историю бегства Иакова на восток, к Лавану. Мы помним в подробностях ту ночь и те вешние сны-видения, которые были дарованы Иакову. И вот как все это описал Томас Манн:

"Тут-то и началось, тут-то и пошло, тут-то и в самом деле, должно быть, среди ночи, после нескольких часов глубокого забытья, голова его была вознесена от всякого позора к величайшей высоте видения, где... ему снилось, что он находится в каком-то другом месте. Он и во сне опирался головою на камень и спал. Но сквозь веки его проникло ослепительное сияние; он видел сквозь них... пуповину, связывающую небо и землю, лестницу, ведущую к высочайшему дворцу, ее бесчисленные, огненные и широкие ступени, поднимавшиеся на невероятную высоту, к верховному храму и к престолу верховного владыки. Они не были ни каменными, ни деревянными, ни из какого-либо другого земного вещества; казалась, что они сооружены из раскаленной руды, из звездного огня..."

И, как мы помним, после этой вешней ночи то место Иаков назвал Бэйтэль - Дом Божий.

Иосиф Гин

(Продолжение. Начало в № 125)

В Казани прошла двухдневная конференция Федеральной еврейской национально-культурной автономии (ФЕНКА). Возникшая в 1997 г., после появления Федерального закона "О национально-культурных автономиях" ФЕНКА является согласно этому закону легитимным представителем интересов еврейской общины России перед органами государственной власти.

В период подготовки конференции и во время ее проведения выявились серьезные проблемы во взаимоотношениях между членами организации, касающиеся, в основном, представительства на этом форуме и по вопросу руководящих органов.

По итогам голосования новым президентом ФЕНКА стал лидер казанской еврейской общины Михаил Скоблионок, пообещавший руководствоваться в своей деятельности принципом блага для всей еврейской общины России, Михаил Членов и Валерий Энгель - вице-президентами.

В.Энгель выразил свое неудовлетворение решениями конференции, подчеркнув, что на его взгляд, результаты голосования были вызваны желанием членов прежнего совета ФЕНКА оставить за собой возможность и дальше руководить этой организацией.

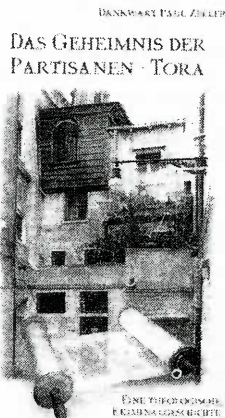
Со своей стороны генеральный директор ФЕНКА Евгения Михалева в интервью корреспонденту АЕН подчеркнула, что с ее точки зрения конференция прошла достаточно плодотворно.

Региональную еврейскую национально-культурную автономию Республики Карелия на этом серьезном форуме представлял Дмитрий Генделев, член правления РЕНКА РК.

ЗАГАДКА ПАРТИЗАНСКОЙ ТОРЫ (Теологический детективный роман)

На днях наша община получила в подарок недавно изданную в Германии новую книгу Данкварта-Пауля Целлера. По просьбе редакции газеты книгу прочитал Гарри Лак, который и поделился своими впечатлениями от прочитанного.

Автор книги - Данкварт-Пауль Целлер, родился в 1924 году в Тюбингене. (Германия). С 1942 года по 1945 воевал в немецкой армии на территории Советского Союза. Провел четыре года в лагере для военнопленных. После освобождения в 1949 году, окончил богословский факультет Тюбингенского университета, служил протестантским пастором в разных городах Германии, в том числе и в Берлине. В настоящее время на пенсии. Он является одним из самых активных граждан Тюбингена, способствовавших как в 90 годах, так и ныне в укреплении дружеских связей жителей своего родного города с еврейской общиной Петрозаводска.

В своей только что изданной книге, автор в легкой, порою в приключенческой форме, повествует о том, какой сложный и длинный путь проделал древний Свиток Торы в 1944 году из фашистской итальянской Венеции в югославские леса к партизанским отрядам Тито, а оттуда в Лондон, где по инициативе пастора Целлера и его добровольных помощников на средства, собранные жителями Тюбингена, был приобретен именно этот Свиток Торы для еврейской общины Петрозаводска. Невольно начинаешь думать, что чудеса возможны и в наше с вами время.

Книга написана на хорошем немецком литературном языке и с первых страниц целиком овладевает вниманием читателя. Ограниченный размер статьи заставляет меня остановиться на самом главном. Это рассказ-исповедь немецкого протестантского пастора, искренне кающегося в том страшном зле, которое претерпел еврейский народ в течение двух тысяч лет со стороны христианской церкви и народов Европы. Евреи изгонялись из одной страны в другую, их загоняли в гетто, они обвинялись в употреблении крови младенцев для изготовления мацы, их облагали непосильными налогами, им нигде не давали нормально жить и существовать. Венцом всему был фашистский Холокост.

Я впервые встречаюсь с таким откровенным признанием своей вины со стороны христиан перед еврейским народом. Я впервые встречаюсь с таким откровенным призывом признать и сплести эту вину.

Автор книги под вымышленным именем Теофила Ботчера повествует о связи христианской общины Тюбингена с еврейской общиной Петрозаводска, рассказывает о встречах, посещениях и обустройстве кладбища немецких военнопленных, помощи бывшим малолетним узникам, о торжественном вручении Свитка Торы в синагоге Санкт-Петербурга представителям еврейской общины Петрозаводска.

Я, как человек, испытавший потерю родных и близких мне людей в рижском гетто осенью 1941 года, испытываю в немалой степени на себе проявление антисемитизма, как в буржуазной Латвии, так и в Советской России, выражаю свою глубокую благодарность и признательность немецкому пастору и автору книги "Загадка партизанской Торы" Данкварту-Паулю Целлеру за мужество и смелость, за добропорядочность и честность, проявленные к нам евреям из какого века мы не были бы: из шестнадцатого или двадцать первого.

Гарри Лак

Еврейская община имеет честь выразить глубокую признательность

**МАРГАРИТЕ СИЙККИ
ФЕЛИКСУ БУХМАНУ**

за помощь газете "Общинный вестник"

Наша кухня

Бульон куриный

На одну тушку курицы: морковь 1 шт., петрушка (корень) 1 шт., лук репчатый 1 шт., соль.

Подготовленную курицу и обработанные потроха (кроме печени и сердца) вместе с очищенными и разрезанными кореньями кладут в кастрюлю, заливают холодной водой и ставят варить. (Чем больше лапок будет положено в бульон, тем крепче он будет - они придают крепость бульону). После закипания варят на слабом огне от 1 до 2 часов в зависимости от размеров и возраста курицы, готовность которой определяют следующим образом. Если вилка свободно прокалывает ножку, курица готова. Во время варки с поверхности бульона удаляют пену. Готовый бульон процеживают.

Покупая тушку курицы, помните, что грудная косточка старой курицы туго поддается сжатию пальцами, молодой - легко.

Прежде чем опалить курицу, ее нужно натереть мукой, тогда все оставшиеся волоски будут ясно видны.

Чтобы курица была мягкой, сочной и белой, ее следует перед приготовлением изнутри натереть лимоном или варить в воде, в которую предварительно влить 1 ч. ложку лимонного сока.

Примечание: если Вы хотите получить прозрачный, нежирный бульон, удалите весь жир с курицы до того, как станете ее варить; можно снять даже всю кожу вместе с жиром и использовать ее для приготовления смальца и шкварок.

Очень приятный вкус придает куриному бульону кориандр (семена кинзы). На указанное количество бульона нужно около 1 стл. кориандра, положите его тогда же, когда будете класть остальные продукты (через час после начала варки).

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**СТРАСТЬ К ВЛАСТИ ИДЕТ НЕ ОТ СИЛЫ,
А ОТ СЛАБОСТИ.**

Э. Фромм

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

БРАЙНИНУ Светлану Григорьевну
КАУФМАН Ревекку Соломоновну
МЕЛЬЦЕР Татьяну Николаевну
РОСКИНУ Изольду Михайловну
УТКИНУ Дину Васильевну
ШТЕЙН Рахиль Матвеевну
ПАЛКИНА Якова Менделевича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская
еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой
"Принт", 185001, Петрозаводск, пр. Первомайский, 1,
тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.